

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ВОСТОЧНЫХ ЭКЗОТИЗМОВ В РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVI–XVIII ВВ.

Старший преподаватель университета Маъмур

Каримов Хикматбек Анвар угли

E mail gol-karimov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию фонетической адаптации восточных экзотизмов в текстах русской деловой письменности XVI–XVIII вв. В центре внимания — механизмы и особенности фонетического освоения лексических единиц восточного происхождения, заимствованных в условиях активных дипломатических и торговых контактов России с Монголией, Китаем, Персией, Хивой и Бухарой. Выявлены основные типы звуковых изменений, обусловленные несоответствием фонологических систем языков-источников и русского языка того времени. Показано, как заимствованные слова подвергались трансформации под действием норм русской разговорной речи и письменной традиции. Особое внимание уделено явлениям вариативности, графической передачи, а также влиянию русской фонетики на адаптацию инородных языковых элементов. Результаты исследования подтверждают роль деловой письменности как важного канала языкового взаимодействия и фиксируют процессы лингвистической интеграции экзотической лексики в систему русского языка.

Ключевые слова: восточные экзотизмы, фонетическая адаптация, заимствования, деловая письменность, XVI–XVIII вв., русская лингвистическая традиция.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом к вопросам лингвокультурной и языковой интеграции в исторической перспективе. Восточные экзотизмы, как отражение контактов России с восточными государствами, фиксируют не только культурные, но и языковые трансформации. Несмотря на наличие работ по заимствованной лексике в русском языке, фонетическая адаптация восточной лексики в контексте деловой письменности XVI–XVIII вв. остаётся малоизученной. Целью настоящей статьи является выявление и анализ фонетических механизмов интеграции восточных экзотизмов в русскую языковую систему на материале официально-деловой документации указанного периода.

1. Теоретические основы и методология

Методологическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных лингвистов, изучающих процессы фонетической адаптации и заимствования: Н.С. Трубецкого, В.В. Акуленко, В.Г. Демьянова и др. Используются методы сравнительно-исторического, контекстуального и фонетического анализа, а также принципы историко-функционального подхода к языковому материалу.

2. Источниковая база

Материалом исследования послужили памятники русской деловой письменности XVI–XVIII вв., включающие посольские книги, грамоты, ярлыки, официальные переводы восточных документов. Особое внимание уделено сборникам русско-восточных дипломатических отношений, отражающих связи с Монголией, Китаем, Хивой и Бухарой.

Проникновение лексики из одного языка в другой – это общепринятое явление в лингвистике. Ни один язык не существует в вакууме; он неизбежно взаимодействует с другими, пополняя свой лексический запас за счет заимствований, особенно экзотических слов восточного происхождения, отражающих национальные особенности, уклад жизни, традиции и культуру других народов. Подтверждением этому служат многочисленные исторические документы деловой переписки, отражающие дипломатические отношения России с восточными странами в XVI–XVIII веках.

Функционирование восточных заимствований в русском языке, характеризующихся изменчивостью (особенно на первых этапах), обусловлено рядом факторов: множественностью источников заимствования (поликонтактность), высокой способностью восточных экзотизмов к контаминации (смешению) с другими словами в принимающем языке и различными способами передачи материала в русском языке, связанными с разным произношением звуков в языке-источнике и языке-реципиенте.

Восточные экзотизмы, как и многие ранние иноязычные слова в русском языке, первоначально заимствовались устно. Устная передача, не подкреплённая письменной формой, может привести к искажению звуковой оболочки слова. Этим объясняется фонетическая вариативность восточных экзотизмов как в момент их появления в русском языке, так и в процессе их дальнейшего использования. При заимствовании слова носители языка-реципиента как бы пропускают звуковую оболочку иностранного слова через "фонологическое сито" (термин Н.С. Трубецкого) родного языка, обеспечивая его произносимость.

В деловых документах того времени встречается множество восточных экзотизмов, описывающих быт, обычаи и культуру восточных народов. Однако все они были записаны в соответствии с фонетическими и грамматическими правилами русского языка того времени, утрачивая свои первоначальные

формы. Фонетическая адаптация восточных экзотизмов особенно заметна в русских и переводных текстах деловых документов, касающихся отношений России с Монголией, Китаем, Хивинским и Бухарским ханствами XVI–XVIII веков.

Изучаемые нами источники позволяют не только выявить новые варианты уже известных восточных заимствований, но и обнаружить совершенно новые, только интегрирующиеся в русский язык того времени и находящиеся на стадии адаптации.

Существует множество работ, посвященных исследованию восточной лексики в русских письменных памятниках различных эпох. Однако данная тема, касающаяся фонетической адаптации восточных экзотизмов в дипломатической переписке России с Монголией, Китаем, Хивинским и Бухарским ханствами в XVI–XVIII веках, еще не получила должного внимания как среди лингвистов Узбекистана, так и за рубежом.

Известно, что восточная экзотическая лексика, хотя и записывается русскими буквами, воспринимается как инородная носителями языка, поскольку ее употребление определяется не языковыми факторами, а тематикой и контекстом. В процессе адаптации восточные элементы не влияют на внутренние законы развития русского литературного языка, а скорее сами подчиняются этим законам. Фонетическая адаптация – это изменение звукового облика слова, в частности экзотизма, путем приведения его в соответствие с новыми фонетическими условиями. Этот процесс происходит систематически и закономерно.

В «Русской грамматике» отмечается, что во многих исследованиях и учебниках приводится список слов, недостаточно освоенных русским языком из-за необычного произношения (*например, кофе, болеро, фойе*), то есть речь идет о случаях, когда заимствованное слово не приспособляется к фонетической

системе нового языка. В.В. Акуленко, анализируя вопросы интернационализации словарного состава, подчеркивает важность выявления закономерностей и отклонений, поскольку сходство слов часто более заметно в письменной, а не в устной форме. Это связано с тем, что русский язык обычно транскрибирует заимствования, в отличие от западноевропейских языков, которые их транслитерируют.

И.В. Токарева указывает, что при адаптации иностранной лексики в русском языке выделяются два подхода: слуховой, ориентированный на воссоздание оригинального звучания, и зрительный, основанный на построении звуковых элементов, соответствующих орфографическим калькам букв иностранного алфавита средствами русской графики. Формальное освоение заимствований обусловлено генетическим или типологическим родством языков. Поскольку восточные языки и русский принадлежат к разным системам, их сходство ограничено, что приводит к существенным трансформациям заимствуемых слов для интеграции в принимающую языковую структуру. Тем не менее, сближение языков, вне зависимости от исходных связей, часто происходит из-за их взаимопроникновения, интенсивность и масштабы которого зависят от различных факторов, в первую очередь, от длительности и частоты контактов между ними.

С фонетической точки зрения особый интерес в памятниках русской деловой письменности представляет восточный экзотизм тайша. Этот термин зафиксирован в грамоте Приказа Казанского дворца тарскому воеводе С. И. Гагарину от 18 октября 1607 года, касающейся направления служилых людей в калмыцкие улусы к тайшам Изеню, Далаю-Богатырю, а также Хо-Урлюку и Курсугану с целью приведения их к шерти:

«И на Таре Кугонай тайши нам, великому государю (царю и великому князю Василью Ивановичу. — О.Х.), шертвовал за всех своих товарищив, за 40

за 9 тайшев, и их улусов за колмацких людей, опричь Урлюка–тайши да Курсугани–тайши».

Впервые лексема тайша фиксируется в значении «первый после хана феодальный титул у монголов, калмыков, бурят и маньчжуров; лицо, носящее этот титул» в Словаре русского языка XI–XVII вв., на материале Русской исторической библиотеки, но уже под 1609 год:

«А вельно, государь, имъ лутчимъ тайшамъ Езению, да Узению, да Абакаю говорити».

Согласно Энциклопедии Брокгауза и Ефрона, тайша (или тайджи) у монголов и калмыков — это «племенной вождь, старейший родоначальник более или менее обширной родовой группы». Подобно ханам и контайшам, тайши относились к числу старших владельцев (в соответствии с ойратским уставом), однако занимали по отношению к ним несколько подчинённое положение. Этот титул был наследственным, принадлежал преимущественно ближайшим родственникам ханов — братьям или сыновьям — и передавался, согласно древним монгольским обычаям, старшему сыну или старейшему представителю рода.

Более развернутая интерпретация восточного экзотизма тайша представлена в одном из памятников русской письменности посредством приёма внутритекстового глоссирования. В источнике XVII века «История об Азовском взятии и осадном сидении от турецкого царя Брагима донских казаков» (1627 г.) в редакции А. Орлова дано пояснение лексемы тайша через сопоставление с русскими социально-политическими терминами — «князь» и «боярин». В тексте указывается: «А за теми пашами шла концына многия паши и тайши, а по-русски князя и бояра... За тем воинским пошли тайшы великия сто человек, у всякаго в полку по десяти тысячъ. А за тайшами шел крымский царь». Таким образом, незнакомый экзотизм получает в повествовании объяснение через знакомую

систему терминов, что позволяет читателю интуитивно соотнести новое понятие с привычной ему социальной иерархией.

Следует отметить, что сами термины князь и боярин в русской письменной традиции имели довольно широкий спектр значений. Князь мог обозначать и родового старейшину, и владельца удела, и правителя государства, и представителя княжеского рода, и даже жениха в обрядовом контексте. Термин боярин, в свою очередь, использовался для обозначения как дружинников и советников князя, так и высших феодалов, обладателей знатных чинов, крупных землевладельцев и вельмож.

Как отмечено в историко-лингвистических исследованиях, первоначально боярство представляло собой совокупность всех старших служилых людей в государстве. Впоследствии этот термин трансформировался в обозначение служебного чина, который получался за государеву службу и имел строго иерархический характер.

Особый интерес представляет сравнительно-историческое и терминологическое осмысление лексемы тайша. В источниках монголо-китайского происхождения этот термин обозначает феодальный титул, носимый главами отоков, родов или племён у калмыков, бурят и других монгольских народов. Форма тайша нередко встречается в памятниках деловой письменности, наряду с такими вариантами, как тайча, тайчи, тайджи, тайжень, тайжний и др. Некоторые из этих форм восходят к китайскому корню со значением «царевич», и именно форма тайджи считается наиболее полной и правильной с орфографической точки зрения.

Однако в деловых источниках чаще всего употребляется упрощённая форма тайша. Так, в одном из донесений уфимского воеводы говорится о «Байбагише-тайча», а в другом случае упоминается «князь Ончин-тайчи». Подобное

разнообразие форм указывает на активные процессы фонетической адаптации заимствованных слов к нормам русского языка.

Упрощение исходного сочетания [дж] в [ш] может рассматриваться как один из индикаторов иноязычного происхождения термина. Русская графика и фонетика избегали передавать сложные аффрикаты, характерные для тюркских и китайских языков, заменяя их более простыми и привычными звуками. В частности, в деловых текстах XVII века зафиксировано, что «Кучюмовы внучата пойманы не у нево, Куйши–тайши, в улусех...».

Таким образом, экзотизм тайша демонстрирует типичную модель заимствования и адаптации восточных титулов в систему русской деловой письменности. Его интерпретация и воспроизведение в текстах происходят как на уровне фонетики, так и на уровне семантики — посредством глоссирования, упрощения структуры и интеграции в понятийный аппарат русской социальной терминологии.

Анализ текстов письменных памятников, содержащихся в вышеуказанных сборниках документов, показывает, что составители терминологических словарей, скорее всего, писали фонетические варианты слова тайша – тайджи (тажнь, тайджий, тайжень, тайжий, тайжни, тайжня) согласно нормам современного русского литературного языка. Хотя, на наш взгляд, следовало бы им оставить те формы, которые были характерны для русского языка XVII–XVIII вв. Вероятнее всего, подьячие (писцы) тех времен писали восточное китайско–монгольское экзотическое слово тайша и его варианты тайча, тайчи с учетом его живого произношения в русской разговорной речи.

Очень часто, при перечислении поминок, привезенных царю и другим российским должностным лицам восточными послами и купцами, в памятниках русской деловой письменности, например, в старинном русском переводе «росписей подарков хивинского хана Исфендияра и его посла Эмина Багадыра

1640 г., написанных арабской графикой на фарси» , встречаются названия животных бабр и барс .

Словарь русского языка XI–XVII вв. бабр отмечает в Хожении Ф.Котова под 1624 г.: «А что въ Казбинѣ звѣрь бабръ величествомъ болши льва, а шерстью глиннасть, а шерсть ниска, а что у кота и прыскъ котовой, а самъ черевистъ, ноги коротки, а длиною дологъ, а голосомъ великъ и страшен, ногти что у льва» , барс – в Посольстве в Персию князя Александра Дмитриевича Звенигородского под 1594 г.: «А шахъ и съ нимъ Фергатъ ханъ и юргенские царевичи сидѣли въ рядѣхъ противъ прежнего мѣста въ лавкѣ. А передъ лавкою съ обѣихъ сторонъ прикованы два барса живые» .

В рассматриваемых нами источниках форма восточного экзотизма ельбарс отмечается в отписке уфимского воеводы И.Г.Желябужского в Посольский приказ о пребывании калмыцкого посла Култая в Уфе от 6 декабря 1630 г.: «До он же, государь (Михаил Федорович) колматцкой тайша (Култайко), прислал к тебе, государю, в дарех конь ворон колматцкой да ельбарс чюбар» .

Необходимо отметить, что вместо упомянутой нами выше двухкомпонентной формы [yõlbārs] («полосатый барс»), характерной для среднеазиатского тюркского языка, в наших источниках наряду с ельбарс употреблена еще и форма ельбаз. Она фиксируется в челобитной ламы Даин Мерген–ланзу царю Михаилу Федоровичу о присылке ему «государева жалованья» за верную службу от 4 февраля 1637 г.: «Государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец, я, Даин Мерген–ланза, послал к тебе, к государю, // дани своей – шишак золочен, наручи, куяк, ирбиз, ельбаз ..., тем государю челом бью» . Безусловно, восточный экзотизм ельбарс (ельбаз) является русским фонетическим вариантом, отражающим живую русскую речь XVII в.

Много трудностей возникло при фонетическом освоении слов китайского происхождения. Для китайского языка характерно сочетание таких согласных как [цз], но в текстах документов нет ни одного случая правильного написания китайских слов, а встречаются лишь упрощенные их формы. Например, восточный экзотизм цзинь со значением меры веса в памятниках письменности встречается в форме чин, то есть китайское сочетание [цз] в памятнике передано русским звуком [ч].

Или же восточный экзотизм цзюньван, который в текстах встречается в таких орфографических формах как джунван, жунуван, чюнван и имеет значение «князь второй степени». В этом случае сочетание согласных [цз] передается такими согласными как [дж], [ж], [ч].

Аналогичный процесс происходит с заимствованиями из монгольского и маньчжурского языков. Рассмотрим восточный экзотизм цзангин, который в текстах документов встречается в формах жанги, занги, дзанги, зангин. В словарях русского языка он не зафиксирован, хотя в «Терминологическом словаре», составленном к сборнику документов, дается указание на язык-источник (монг.) и имеет значение «помощника правителя феодального удела по военным делам», а у маньчжуров – это «общее название чинов штаб-офицерского разряда, а также начальник отделения в министерстве; караульный начальник на границе»: «...Монсоров продан отцем ево ему, занги Шитею, в холопство». Или: «И посол пошел от того заставного города Капки ко царю в город Канбалык февраля в 21 день на своих лошадех и верблюдах, а корму и подвод не дано, а из Канбалыка от цря присланы к послу в приставы 2 человека жанги, а по-руски сотники» .

В данном случае монгольское фонетическое сочетание согласных [цз] передается русскими звуками [ж], [з], [дз]. Следовательно, при переходе в язык-реципиент у восточного экзотизма происходит фонемное декодирование и замена звуков чужого языка близкими по акустико-артикуляционным

характеристикам русскими согласными звуками, представленными в памятниках русской деловой письменности графемами языка–реципиента.

Особый интерес представляют фонетико-графические варианты восточных экзотизмов с чередованием сонорных согласных м/н, наблюдаемые нами в памятниках письменности исследуемого периода: тулумбас (тулунбас), амбар (анбар), барамта (баранта), имбирь (инбирь). Такие варианты отражают фонетические особенности тех тюркских языков, которым свойственно было это явление. В частности, восточный экзотизм тулумбас отмечается в ярлыке хивинского хана Абул-Гази царю Алексею Михайловичу с объяснением причин задержания в Хиве имущества приехавших туда торговых людей от 1652–1653 г.: «И мы для ради того дела послали к вам наперед сего посла нашего Эмина-Багатыря с нашею грамотою и с поминки, а поминков послано было жеребец аргамачей гнед, да жеребец аргамачей сер...да кушак, да тулунбас оправлен золотом, 5 кож бабровых» или в челобитной хивинского посла Пехлеванкулибека царю Алексею Михайловичу о пограбленных у него при взятии Астрахани Степаном Разиным всяких «животах и деньгах», и о пожаловании его «государским жалованьем» для расплаты со своими заимодавцами от 9 апреля 1673 года: Роспись хановым поминком: 9 инохотцов добрых, 4 оправных сабель с камнем зверь бабр, 5 тулумбасов оправных камнем, 9 зарбафов золотных, 9 выбоек золотных на миткалах, 9 кисей волочены серебром, 18 луков бухарских» .

А.М. Щербак считает, что точная причина этого явления не установлена, другие лингвисты эти чередования связывают с сингармоничным влиянием окружающих гласных, некоторые относят его к наличию в языках междиалектного соответствия .

Отмеченное чередование сонорных согласных м/н в вышеуказанных восточных экзотизмах тулумбас, имбирь, барамта было обусловлено процессом диссимиляции, находящего отражение и в современном русском языке.

Очень много экзотизмов с начальным гласным звуком [а], хотя, как нам известно, в древнерусском языке начального [а] не было и, поэтому почти все корневые слова с этой гласной являются нерусскими по своему происхождению: аул, аллах, аталык, алтын, аманат, аршин. Например, в деловом документе, датированном 1617 годом, встречается название персидской парчевой ткани алтабас: «А сидел кутухта особно, устроено ему место рундуком, выше царева места, и обито кругом алтабасом золотным, а под ним зделано что киотом...».

Г.Х. Гилязетдинова в своей работе это явление характеризует следующим образом: «В исследуемых памятниках широкое отражение находит чередование безударных о/а как в абсолютном начале слова (в анлауте): аба – оба, абыз – обыз, азиям – озиям, алам – олам, алмаз – олмаз, алтабас – олтабас, алтын – олтын, анбар – онбар, армяк – ормяк, арчак – орчак и др., так и после согласных, особенно характеризующихся лабиовелярностью (бемольностью): бадья – бодья, базар – бозар, барсук – борсук, батрак – ботрак, гайтан – гойтан, кабак – кобак, калач – колач, каптан – коптан, капычей – копычей, караван – корован, сайдак – сойдак, сакма – сокма, таган – тоган, фата – фота и др». Приведенные примеры являются доказательством наличия фонетической вариативности восточных экзотизмов. Этот процесс, на наш взгляд, нельзя назвать чередованием. Так как не указаны конкретные формы слов, когда проявляется это чередование. Нельзя не согласиться с мнением В.В. Колесова, считающего, что смешение [о]/[а] могло поддерживаться возникшей в середине XIV в. редукцией русских безударных гласных, сформировавшей в языке аканье. Развитие аканья, по его мнению, проявлялось не только в замене безударного [о] гласным [а], но и в сохранении [о] в произношении [о] вместо [а], например, атлас – [отлас].

Исследуя восточные экзотизмы, следует обратить внимание на фонологические их особенности. В частности, необходимо остановиться на явлении сингармонизма, на которое в свое время указывал еще В.А. Богородицкий. Он считал, что «к фонетическим признакам слов,

заимствованных из восточных языков, принадлежат главным образом проявления гармонии гласных, подчиняющиеся вполне определенным законам соответственно тому или другому диалекту».

В.В. Колесов считает, что «согласно закону открытого слога, все слова должны были кончаться гласными, но если следующее слово начиналось также с гласного, то образовывались зияния, не приемлемые для славянского произношения: оно недопускало двух гласных подряд». Названное явление демонстрирует, что утрата начального гласного, в первую очередь, была обусловлена формированием в речи на стыке служебных и знаменательных слов зияния гласных. Для слоговой структуры русских слов зияние не характерно, в связи с этим развивались протетические согласные или наблюдалась диереза начального гласного.

Дипломатические и торговые связи России с такими странами, как Монголия, Китай, Хива и Бухара, играли большую роль не только в развитии взаимоотношений между народами, но и способствовали взаимовлиянию и взаимообогащению русского и восточных языков.

Восточные экзотизмы, содержащиеся в русских текстах, адаптировались согласно внутренним законам русского языка XVII–XVIII вв. Наглядным подтверждением являются положения о преобразовании восточных экзотизмов в своем фонетическом облике, испытании на себе влияния русской разговорной речи.

Заключение

Фонетическая интеграция восточных экзотизмов в русскую деловую письменность представляет собой сложный, но закономерный процесс, обусловленный типологическим несоответствием языков и активным культурным взаимодействием. Адаптация происходила как на уровне отдельных

звуков, так и в рамках графической системы, что позволило интегрировать экзотизмы в русскую языковую практику, не нарушая её системных норм.

Список литературы

1. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. — М.: URSS, 2000. — 328 с.
2. Акуленко В.В. Лексико-семантическая адаптация заимствованных слов. — Харьков: Вища школа, 1980. — 256 с.
3. Демьянов В.Г. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века. — Казань: Изд-во КГУ, 1997. — 178 с.
4. Токарева И.В. Фонетическая адаптация иноязычной лексики. // Филологические науки. — 2005. — № 6. — С. 28–34.
5. Гилязетдинова Г.Х. Фонетическая вариативность восточных заимствований в памятниках русской письменности. — Казань: Казан. ун-т, 2012. — 215 с.